

Максим Горький

ЗЫКОВЫ

Максим Горький

ЗЫКОВЫ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22115338

Аннотация

«У Целованьевых. В скучной комнате небогатого мещанского дома посредине приготовлен стол для чая, у стены между дверью в кухню и в комнату Анны Марковны другой стол с вином и закусками. Направо у стены маленькая фисгармония, на ней рамки с фотографиями, засушенные цветы в двух вазах; на стене много открыток и акварель: Павла в костюме монастырской клирошанки. Два окна на улицу, в палисадник. Целованьева, чистенькая, гладкая женщина за сорок, – у чайного стола; она заметно взволнована, часто смотрит в окна, прислушивается, ненужно передвигает чашки. Софья задумчиво ходит по комнате, в зубах – погасшая папироса...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Действие второе	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Горький

ЗЫКОВЫ

Действующие лица

Зыков, Антипа Иванов, лесопромышленник.

Софья, сестра его, вдова.

Михаил, сын.

Целованьева, Анна Марковна, мещанка.

Павла, дочь её.

Муратов, лесничий.

Хеверн, компаньон Зыкова.

Шохин.

Тараканов.

Стёпка, девчонка-подросток.

Палагея.

Действие первое

*У Целованьевых. В скучной комнате небогатого мещанского дома посредине приготовлен стол для чая, у стены между дверью в кухню и в комнату Анны Марковны другой стол с вином и закусками. Направо у стены маленькая фисгармония, на ней рамки с фотографиями, засушенные цветы в двух вазах; на стене много открыток и акварель: **Павла** в костюме монастырской клирошанки. Два окна на улицу, в палисадник. **Целованьева**, чистенькая, гладкая эсенщина за сорок, – у чайного стола; она заметно взволнована, часто смотрит в окна, прислушивается, ненужно передвигает чашки. **Софья** задумчиво ходит по комнате, в зубах – погасшая папираса.*

Целованьева (вздыхая). Загулялись...

Софья (взглянув на часы в браслете). Да...

Целованьева. А что же это вы, Софья Ивановна, замуж не выходите?

Софья. Человека нет по душе. Найдётся – выйду.

Целованьева. В глухом нашем месте – мало интересных мужчин...

Софья. Интересные-то нашлись бы! Серьёзного человека трудно встретить...

Целованьева. У вас у самой, извините, характер серьёзный, вроде бы – мужской; вам бы взять мужчину тихого...

Софья *(нехотя)*. А на что он, тихий? Мышей ловить?

(Целованьева смущённо улыбается, видно, что ей неловко с этой женщиной, она не знает, о чём беседовать с нею.)

Софья *(хмурясь, спрятав руки за спину, исподлобья смотрит на неё)*. Кто это, скажите, пустил про Пашу слух... что она – блаженненькая?

Целованьева *(торопливо, негромко, оглядываясь)*. А это всё покойник муж... ну, и я тоже поддерживала, чтобы не очень интересовались люди. Пашенька всегда была прямая такая, что думает, то и говорит, – кому это может нравиться? Ну, вот... а он, муж-то, подозрение имел, что Паша не его дочь...

Софья. Разве?

Целованьева. Как же! Это ведь всем известно; он, бывало, выпимши, везде кричит... Ревновал он меня к одному... сектант был тут...

Софья. Отец Шохина?

Целованьева. Вот и вы знаете.

Софья. Без связи с вашим именем. Просто знаю – был сектант, человек гонимый.

Целованьева *(вздыхая)*. Ну, уж где, чать, без связи! *(Тихонько.)* Гонимый... *(Быстро взглянув на Софью.)* Он, покойник...

Софья. Шохин?

Целованьева. Муженёк мой... Он, бывало, глядит-глядит на неё, да вдруг и зарычит: "Не моя дочь! Я – человек

подлый, ты – это я баба глупая, – не моя это дочь!"

Софья. Кривлялся немножко?

Целованьева. Бог его знает...

Софья. Бил вас?

Целованьева. Уж конечно! Да я – что? А за Пашу очень боязно было. Ведь это я кое-как обошла его, в монастырь-то спрятала её, Пашу... Ведь у меня, кроме её, никаких надежд...

Палагея *(в двери из кухни)*. Идут!

Целованьева. Ой, что ты, бес, пугаешь! Недруги, что ли, идут? Чего тебе?

Палагея. Нести самовар?

Целованьева. Скажут, когда надо. Ступай!

Михаил *(чуть-чуть выпивши, разморён жарой, на безбородом лице усталая улыбка)*. Ты что, баба, заткнула дверь? Убери свои окрестности.

(Ущипнул её – Палагея ахнула. Михаил смеётся всхлипывающим смехом; Целованьева обиженно поджала губы; Софья около фисгармонии, нахмурясь, смотрит на племянника.)

Михаил *(идя к столу)*. Жарко, наречённая мамаша!

Целованьева *(бормочет)*. Ну – где же ещё... какая же мамаша? *(Громко.)* Палагея у нас придурковата...

Михаил. Кто?

Целованьева. Женщина эта.

Михаил. Ага! Только она, одна? Это я запомню.

(Идёт к столу с закусками. Софья пробует фисгармонию в басах.)

Целованьева *(беспокойно)*. Зачем же запоминать?

Софья. Он шутит, Анна Марковна.

Целованьева. Ох, плохо я понимаю эти шутки...

Палагея *(из кухни)*. Мужик верхом приехал...

Софья. Это – Шохин. Анна Марковна – это ко мне...

Шохин *(в двери)*. Шохин пришёл.

Софья *(строго)*. Я бы вышла к тебе, Яков!

Шохин *(кланяясь)*. Ничего! Доброго здоровья.

Целованьева *(отходит к окну)*. Вы не стесняйтесь...

Софья *(Шохину)*. Ну, что?

Шохин. Велел сказать, что напишет письмо.

Софья. Больше ничего?

Шохин. Ничего.

Софья. Спасибо.

(Записывает что-то в книжечку на поясе. Михаил, подмигивая на Анну Марковну, наливает Шохину стакан водки; тот, украдкой, выпивает, морщится.)

Михаил. Отчего ты, Яков, всегда такой угрюмый?

Шохин. Жалованья мало получаю. Софья Ивановна, у меня к тебе слово есть.

Софья. Что такое?

Шохин *(подходя)*. Лесничий этот вчера говорил машинисту нашему, что-де всех нас, за наше хозяйство, под суд сажать надо, дескать, от нас реки мелеют и вся земля портит-

ся...

Софья. Ну, – иди...

Михаил. Иди, раб!

Целованьева. Это он про лесничего говорил?

Софья. Да.

Целованьева. Строгий господин. Со всеми – ссорится, со всеми – судится, а сам всегда выпимши и, кроме карт, никаких удовольствий не признаёт. Холостой, должность хорошая – женился бы! Не любят теперь семейной жизни.

Михаил. Как – не любят? А – я? Вот я женюсь...

Целованьева. Вы – конечно... Вам – папаша велел.

(Неволью вырвавшееся слово смутило её, она невнятно бормочет что-то и быстро идёт в кухню.)

Софья *(Михаилу)*. Ты ведёшь себя совершенно неприлично.

Михаил. Ну? Не буду больше. Тебе нравится невеста?

Софья. Девушка красивая, простая... доверчивая. А тебе?

Михаил. Мне даже немножко жалко её, – какой я ей муж?

Софья. Это ты – серьёзно?

Михаил. Не знаю. Кажется – серьёзно.

Софья. Вот и хорошо! Может быть, она заставит тебя подумать о себе самом, – пора!

Михаил. Да я ни о чём кроме и не думаю...

Софья. Дуришь ты много, играешь...

Михаил. Это свойственно человеку. Вон и невеста моя

играет на простоту, доброту...

Софья (*пристально смотрит на него*). Что ты говоришь? Она действительно доверчива...

Михаил. И кошка будто бы доверчива, а попробуй, обмани кошку!

Софья. При чём здесь – обманы?

Михаил. Знаешь что? Пусть бы лучше отец женился на ней, а меня в отставку!

Софья. Какая чушь!

Михаил (*с усмешкой*). Всё равно – сейчас не женится – после отобьёт. Она – доверчива...

Софья. Перестань! Что за гадости лезут в голову тебе!
(*Взволнованно отходит прочь.*)

Михаил (*тихонько смеётся, наливая вина в рюмку, и декламирует*).

Я хотел поймать в воде
Отражение цветка,
Но зелёный ил один
Подняла моя рука...

Софья. Это – что значит?

Михаил. Ничего не значит. Шутка.

Софья. Ой, Миша, смотри, жизнь серьёзна!

(*Из прихожей входит Антипа Зыков, мужчина лет под пятьдесят, в бороде с проседью, кудрявый, чёрные брови, с висков – лысоват; Павла – в голубом платье, очень простом,*

без талии, как ряса, на голове и плечах – голубой газовый шарф.)

Павла. Я всегда говорю правду...

Антипа. Ну? Поглядим.

Павла. Увидите. А где же мама?

Целованьева *(из кухни).* Иду, иду...

(Антипа идёт к столу с закусками; Павла, улыбаясь, к Софье.)

Софья. Устали?

Павла. Жарко! Пить хочу...

Софья. Вы сами платье шили?

Павла. Сама. А что?

Софья. Идёт к вам.

Павла. Я люблю, чтоб всё было свободно...

Антипа *(сыну).* Гляди, лишнее пьёшь, сконфузишься...

Михаил *(дурашливо).* Жених должен показать себя со всех сторон...

(Антипа, взяв его за плечо, что-то строго говорит ему, Михаил усмехается.)

Софья *(Павле, вдруг, негромко).* Который красивее?

Павла. Старший...

Антипа *(резко).* Цыц!

Софья *(тихо).* Антипа, что с тобою?

(Павла жмётся к ней.)

Антипа *(смущённо).* Ты извини, Павла Николаевна, это для тебя же лучше...

Павла. Что?

Антипа. А – вот... этот сударь... (*Мычит.*)

Целованьева (*с блюдом в руках, на блюде – кулебяка*).

Пожалуйста закусить, прошу вас...

Павла (*Антипе*). Надо быть добрым, а то я буду бояться вас...

Антипа (*ласково усмехаясь*). Ты всё про своё, про добро... Эх, дитё ты моё... (*Говорит ей что-то, понизив голос.*)

Михаил (*хот и выпивший, чувствует себя лишним, бродит по комнате, усмехаясь, на ходу говорит тётке*). Тесно, как в курятнике...

Целованьева (*волнуясь, следит за всеми, подходит к Софье*). Пожалуйста к столу-то! Зовите, а то меня не слушает никто...

Софья (*задумчиво*). Нравится мне ваша дочь...

Целованьева. О? Дай-то господи! Посмотрели бы вы за ней, поучили её...

Софья. Да, конечно. Наше, бабье дело везде – общее...

Павла (*удивлённо*). А как же люди?

Антипа. Что – люди?

Павла. Что ж они подумают?

Антипа (*с жаром*). Да мне – пёс с ними! Пускай, что хотят, то и думают. Люди! Чем я обязан им? Горем да обидами. Вот она, рука, которой я жизнь свою возводил, – это моя рука! Что мне люди? (*Выпил водки, вытер рот салфеткой.*) Вот ты моя будущая... дочь, скажем; ты всё говоришь – лас-

ково надо, добром надо! Четвёртый раз я тебя вижу, а речи твои всё одинаковы. Это – оттого, что жила ты в монастыре, в чистоте... А поживи-ка на людях другое заговоришь, душа! Иной раз так бывает – взглянешь на город, и до смерти хочется запалить его со всех концов...

Павла. Тогда и я сгорю...

Антипа. Ну, тебя я... ты не сгоришь!

Целованьева. Вы что, Михаил Антипович, не выпьете, не закусите?

Михаил. Папаша не велит...

Антипа. Что-о?

Михаил. И невеста не угощает.

Павла (*краснея, кланяется*). Пожалуйте, я налью...

Михаил. И себе...

Павла. Не люблю я...

Михаил. А я – очень люблю водку...

Павла. Говорят – вредно это...

Михаил. Врут! Не верьте. Ваше здоровье!

Антипа. Слабоваты здоровьем люди становятся, Анна Марковна, а?

Целованьева. Отчего же? Пашенька у меня...

Антипа. Я – не про неё, конечно. А вот, хоша бы мой: много ли выпил, а и глаза мутные, и рожа оглупела.

Софья. Ты бы вслушался в то, что говоришь.

Целованьева (*смятённо*). Сынок ваш молодой...

Антипа (*сестре*). Я – правду говорю! Анна Марковна зна-

ет, как раньше пили, у неё благоверный неделями качал... (Целованьевой.) А что молодой – это ещё не велико дело, это – проходящее мимо, молодость...

*(Настроение – напряжённое, все ждут чего-то, при-
сматриваются друг к другу. Софья настороженно следит
за братом и Павлой; Михаил курит, тупо, пьяными глаза-
ми глядя на отца; Павла пугливо оглядывается. Антипа – у
стола с закусками, Павла сняла чайник с самовара, мать её
суетится около стола.)*

Целованьева *(шепчет)*. Ой, Пашенька, жутко мне...

Софья *(брату)*. Не много ли пьёшь?

Антипа *(угрюмо)*. Ну, не знаком я тебе...

Софья. Всё-таки – следи за собой...

Антипа. Не мешай! Знаю, что делаю.

Софья. Знаешь ли? *(Смотрят в лицо друг друга.)* Ты что затеял?

Антипа. Разве он ей пара? Его – не исправим, а её – по-губим зря...

Софья *(отступая)*. Послушай, неужели ты решишься?..

Антипа. Стой, не подсказывай! Хуже будет...

Михаил *(усмехаясь)*. Сговор, а – не весело! Все шепчутся...

Антипа *(встрепенулся)*. Это всё твоя тётка серьёзничает... Эх, жаль, народу мало!

Павла. Вот и сказалась нужда в людях...

Антипа. Поддела! Упряма ты в мыслях твоих, Павла Ни-

колаевна... Что ж! Это так и надо женщине: держись за одно супротив всего...

Павла. А мужчине...

Антипа. Мужчина? Он – сам по себе. Он дикой. Его схватит за сердце – так он тут, как медведь, – прямо на рога тину... куда хочешь, да! Ему жизнь дешевле, видно...

Целованьева. Пожалуйте чайку-то...

Антипа. Теперь бы холоденького чего...

Михаил. Шампанского совету...

Антипа. Первый совет слышу твой умный! Иди, найди...

Михаил. Могу... *(Идёт в кухню покачиваясь, зовёт.)*

Женщина! Красавица...

Антипа *(подмигивая Павле).* Видишь? А я – втрое более его выпил. И таков я во всём – больше людей.

Павла. А чего вы боитесь?

Антипа *(удивлён).* Я – боюсь? Как это – боюсь?

(Софья оживлённо, тихонько говорит с Целованьевой, но вслушивается в слова брата.)

Павла *(заметив это, весело говорит).* Вы зачем же конфузите моего жениха?..

Антипа. Чем я его конфужу? Он мне – сын... я помню...

Павла *(тише).* Что вы на меня так смотрите?

Антипа. Под одной крышей будем жить, – узнать хочу – с кем? Вот, ты говорила – в монастыре хорошо, тихо... У нас тоже будто монастырь... Разве иной раз Софья буйнит...

Павла. А ведь вы – добрый...

Антипа (*хмурясь*). Ну... не знаю! Со стороны, конечно, виднее. Ты всё о своём... занимает это меня! Нет, я, пожалуй, добротой не похвастаюсь. (*Вспыхнул.*) Может, и было, и есть в душе доброе, хорошее, да куда ж его девать? Его надо к месту, а нет в жизни места для добра. Некуда тебе сунуть хороший твой кусок души, понимаешь ты – некуда! Нищему что хошь дай – всё пропьёт! Нет, Павла, не люблю я людей... У меня дома один хороший человек Тараканов, бывший помощник исправника...

Софья. Спасибо!

Антипа. Ты? Ты – молчи! Ты – чужая... ты – другая... Бог тебя знает, кто ты, сестра! Разве ты – добрая? Мы ведь про доброту говорим, а ты не добрая, не злая...

Софья. Хорошо ты меня рекомендуешь!..

Антипа. Не плохо, Софья! Вот, Анна Марковна, – она меня моложе почти на два десятка, а в тяжёлый час я к ней, как к матери, хожу.

Софья. Что это ты... разговорился? Странно...

Антипа. Стало быть – так надо! Да. Тараканов... его за доброту со службы прогнали – это верно! Он умный, знающий, а – неспособный ни к чему. На него только смотреть хорошо... как на забавную вещь. Встарину его бы шутком домашним сделали...

Софья (*улыбаясь*). Выдумал! Почему – шутком?

Антипа. Так мне видится. А ты – ты уж не нашего, Зыковых, гнезда, ты шесть лет за дворянином замужем была, в

тебе барская кровинка есть...

Софья. Перестал бы ты, Антипа...

Антипа. Нет, погоди! Ты – умница и всякому делу хозяйка: так ведь ты – женщина, птица вольная, снялась да и полетела. А я – остался один! И мужчина не всегда знает, чем он завтра будет, а женщина твоего характера и подавно – это уж так!

Целованьева. А Михайло Антипыч?

Антипа (*угрюмо*). Сын? Что ж... Хорошего про него я мало знаю, коли правду говорить, а мы – честное дело затеваем, – тут – вся правда нужна. Мало Михаил хорошего накопил... вот – стишки складывает, на гитаре играет... Училище реальное – не окончил, не хватило уменя... А уменя это терпенье... Положим – терпеньем и я не похвастаюсь...

Павла (*взволнованно*). Что же вы про меня думаете, говоря так о сыне вашем, моём женихе?

Антипа (*негромко, как бы про себя*). Правильно спросила...

Целованьева (*беспокойно*). Милые мои, послушайте меня, мать...

Софья (*строго*). Ты обдумал то, что делаешь?

Антипа (*встал на ноги, внушительен*). Размышлять – не умею! Пускай кто хочет размышляет, а я – знаю, чего хочу... Павла Николаевна, встань, выдь со мною на минуту...

(Встали все три женщины; Павла, как во сне, улыбаясь, идёт в комнату рядом с кухней, Антипа, тяжело и угрюмо,

за нею. Дверь не затворили, слышен возглас Антипы: "Садись... погоди, соберусь с мыслями!")

Целованьева (*опускаясь на стул*). Господи! Чего он хочет? Софья Ивановна, что же это?

Софья (*взволнованно ходит*). Ваша дочь – очень умная девушка... если я верно понимаю...

(*Закуривает, ищет глазами, куда бросить спичку.*)

Целованьева. Ведь это он сам хочет...

Софья. Позвольте...

Антипа (*в комнате*). Какой он тебе муж? Годами ты ему ровесница, душою – старше. Иди за меня! Он меня старше, он – дряблый! Это я тебя буду молодо любить, я! В ризы одену, в парчу! Трудно я жил, Павла, не так, как надо... Дай мне иначе пожить, порадоваться чему-нибудь хорошему, прислониться душою к доброму – ну?

Софья (*волнуясь*). Слышите? Хорошо говорит! Зрелые люди любят крепко...

Целованьева. Ничего я не понимаю... Богородица всемилостивая – на тебя вся надежда моя: пожалей дитя моё, пощади от горя; мною всё горе испытано, и за неё, за дочь, испытано!..

Софья. Вы – успокойтесь! Я – тоже поражена... Хотя это в его характере... что же теперь сделаешь? И ваша дочь, видимо, не против...

Целованьева. Не знаю вас, никого! Приехали сватать сына, племянника, – вдруг – что такое стало? (*Идёт в комнату,*

где дочь и Антипа.) Я желаю слушать, я – мать... я не могу...

Антипа. Ты мне на дороге богом поставлена... Анна Марковна слушай!

(Закрыли дверь, Софья, кусая губы, ходит по комнате; в окне лицо Муратова насмешливое, под глазами – отёки, острая борода, лысоватый.)

Софья *(сама с собою)*. Ах, боже мой...

Муратов. Приветствую!

Софья. Ой... что это вы?

Муратов. А что? Мне ваш Личарда, Шохин, сказал, что вы здесь, и я счёл долгом засвидетельствовать...

Софья. Через окно?..

Муратов. Ба! У нас нравы простые, как вы знаете...

Софья. Вы всё опрощаетесь?

Муратов. Ирония? Да, всё опрощаюсь. А вы – сватаете?

Софья. Уже – известно?

Муратов. Конечно! Известно, что и невеста не вполне при своих мозгах...

Софья. Вы, разумеется, слышали о моём якобы романе с вами?

Муратов. Слышал. Люди предупреждают события...

Софья. Вы не опровергали этот слух?

Муратов. Зачем? Я горжусь им...

Софья. А вы не сами пустили его?..

Муратов. Вот что называется – воткнуть вопрос иглой в око... Но, когда со мною говорят в этом тоне, я становлюсь

нахалом...

Софья. Я всё-таки попрошу вас уйти из-под окна.

Муратов. Ну, что ж? Ухожу. В воскресенье можно к вам?

Софья. Пожалуйста. Но можно и не приезжать.

Муратов. Я лучше приеду! Почтительно кланяюсь. Всяких удач и успехов... всяких!

Софья. Не забудьте моей просьбы о копиях описи...

Муратов. Я ничего не забываю...

Михаил (*входит*). Нельзя достать шампанского в этом чертовом углу. Кого вижу!

Муратов. Ты что же путешествуешь одиноко, жених?

Михаил (*делает ему рукой прощальный жест*). Вечером увидимся.

Муратов. Надеюсь! За тобой – мальчишник!..

Михаил. Конечно... (*Муратов исчез.*) А где же все?

Софья (*пристально смотрит на него*). Там, в той комнате...

Михаил. Меня – исключают? Да, что ли? Я ведь слышал отцово красноречие...

Софья (*почти с презрением*). Ты, кажется, везде будешь лишним...

Михаил. Я тебе говорил, что эдак будет лучше... Но – зачем было тревожить смиренного мальчика? Вот те и мальчишник! Тётя Соня – тебе скучно?

Софья. С вами? О, да! С вами – больше, чем скучно... с вами ужасно!..

(Входят Павла и Антипа, Анна Марковна в слезах.)

Антипа *(торжественно)*. Вот, сестра Софья... видишь ты... Решили мы, что...

(Схватывается рукой за сердце.)

Павла. Софья Ивановна – поймите меня, простите...

Софья *(обнимает её)*. Не знаю, что сказать вам... Не понимаю вас...

Антипа. Михайло... ты, того... не обижайся! Ты – молод, невест много...

Михаил. Я очень рад... Честное слово! Павла Николаевна – я сказал, что очень рад, – вы не сердитесь! Я ведь знаю – не пара я вам!

Антипа. Ну, вот, Анна Марковна, видишь, я говорил...

Павла *(Михаилу)*. Мы будем дружно жить...

Михаил *(кланяясь)*. О, конечно...

(Тихонько, пьяно смеётся.)

Антипа. Анна Марковна – будь спокойна! От моей вины – богом тебе клянусь – дочь твоя ни одной слезы не прольёт...

Целованьева *(опускаясь перед ним на колени)*. У тебя мать была, любила тебя... добрый человек – вспомни свою мать! Матери твоей ради – пожалей дочь мою!

(Антипа, Павла – поднимают её; Софья отвернулась к стене, отирает глаза платком; Михаил – взволнован и пьёт рюмку за рюмкой.)

Павла. Mamочка, полно, всё будет хорошо!

Антипа. Ну – я тебе слово дам, какое хочешь... Все за-

роки беру на себя, встань! Двадцать пять тысяч кладу в банк на её имя – ну, ладно!

Софья. Довольно, господа! Миша, налей чего-нибудь! Анна Марковна, я с вами в матерях, хоть и молода для такого бородатого сына. (*Антипе.*) Ты что трясёшься, точно тебя под суд отдали?

Целованьева. Милая моя...

(*Обняла дочь и плачет беззвучно.*)

Антипа. Мне – сесть да помолчать хочется, как делают перед дальним путём...

Софья. Вот что: здесь душно! Павля, ведите всех в сад...

Павла (*Антипе, матери, беря их за руки*). Идёмте...

Михаил. А – выпить хотели?

Софья. Потом, оставь! Эх, ты... дитяtko! (*Обняла его за плечи, гладит голову.*) Ну, что?

Михаил. Ничего, тётя Соня... Право же – мне всё равно!..

Софья. Идём в сад...

Михаил. Не пойду...

Софья. Почему?

Михаил. Не хочу...

Софья (*заглядывая в глаза ему, тихо*). Значит – не всё равно, а?

Михаил (*усмехаясь*). Неловко как-то – за отца. Такой он красивый мужик, такой – литой, цельный... Ему ли пряники есть?..

Софья (*уходя, с улыбкой*). Что делать? Человеку всегда

хочется немножко счастья... немножко!..

Михаил (*подошёл к столу, наливает вина, бормочет*).
Зачем же немножко? Немножко – скучно...

Занавес

Действие второе

*В саду у Зыковых. Слева – широкая терраса барского дома, против неё, под липой, за столом **Павла** вышивает что-то, **Михаил** с гитарой, **Тараканов** – длиннородый старик, одетый в парусину, очень странный, смешной. В глубине сада, у конца террасы **Целованьева** варит варенье, около неё девочка-подросток – **Стёпка**.*

Тараканов. Это всё оттого, что образовалось смятение понятий и никто не знает точно – где его место...

Павла (*задумчиво повторяет*). Смятение понятий.

Тараканов. Именно.

Михаил (*перебирая струны*). Вы бы, Матвей Ильич, рассказали чтонибудь из жизни и без философии...

Тараканов. Без философии – ничего нет, ибо во всём скрыт свой смысл, и его надобно знать.

Михаил. Зачем?

Тараканов. Как это – зачем?

Михаил. А если я не хочу ничего знать?

Тараканов. Этого нельзя.

Михаил. А я – не хочу...

Тараканов. Каприз юности.

Павла. Вы не спорьте, вы говорите просто...

Тараканов. Тебе скажут – посторонись, а ты не поймёшь...

Михаил. Ну?

Тараканов. Ну, и сшибут с дороги.

Михаил. Посторониться, Матвей Ильич, я всегда сумею, я брезглив...

Павла (*мельком взглянув на него*). Не надо сердиться... В сердцах чаще всего ошибаются...

Тараканов. Не понимаю – что значит брезглив?

Целованьева. Перестаньте вы тоску-то сеять! Павля, хочешь пенок?

Павла. Нет, спасибо! Ты лучше вели сделать мне блинчики к ужину...

Михаил. Почему же только вам? Я тоже люблю блинчики, может быть...

Павла (*вздыхая*). Пьющие – сладкого не любят.

Михаил. Это называется афоризм.

Павла. Что?

Михаил. То, что вы сказали.

Павла. Почему – афоризм?

Михаил. Чорт его знает...

Тараканов. Странный вы человек, Миша...

Михаил. Все люди – странные, и понять ничего в них нельзя. Вы тоже странный, вам надо бы служить, взятки брать, а вы – философствуете.

Тараканов. Мне взятки брать не к чему, я человек одинокий.

Павла. А я слышала – сын у вас есть?

Тараканов. Я от него отрёкся...

Павла. Совсем? За что?

Тараканов. Окончательно. За то, что он Россию не любит...

Павла (*вздыхнув*). Не понимаю...

Михаил. Матвей Ильич сам ничего не понимает.

Целованьева. Со стариками-то как нынче говорят!..

Михаил. Старики сами сознаются, что живут в смятении понятий. Значит – подождите учить!

Целованьева. Разве я учу? Бог с тобою!..

(*Идёт на террасу. Стёпка, оглянувшись, насыпает в карман себе сахар.*)

Павла. Да не обижайтесь вы друг на друга! Зачем?

Тараканов. Для развлечения больше.

Михаил. Вот именно...

Павла. Миша, сыграйте вашу песенку про девушку...

Михаил. Не хочется...

Павла. Ну, пожалуйста...

Михаил (*взглянув на неё*). Родителей надо слушаться.

(*Настраивает гитару, Тараканов набивает трубку, раскуривает.*)

Михаил (*говорит речитативом, аккомпанируя тихонько на гитаре*). Полею девушка тихо идёт. Я не знаю – кто она? Не её ли моё сердце ждёт, Грустью околдовано?

Тараканов. Что же это за девушка?

Павла (*с досадой*). Не мешайте! Это – мечта.

Тараканов (*вздыхая*). Вообще, значит, девушка. Понимаю. Но в этом случае – надобно жениться...

Павла. Ах, да не мешайте же!

(Во время чтения на террасе явился Муратов, в костюме для верховой езды, с хлыстом в руках. Слушая Михаила, он иронически морщится.)

Муратов (*сходя в сад*). Какая поэтическая картина: варенье варят, сладкие стихи читают... Добрый день, Павла Николаевна, вы всё хорошеете! Отставной проповедник правды и добра – приветствую! Здравствуй, Миша...

(Его встречают молча, он садится рядом с Павлой; она жмётся, отодвигаясь от него. Тараканов, молча поздоровавшись, уходит в глубь сада, угрюмо оглядываясь на лесничего.)

Муратов. Прошёл насквозь весь дом – пусто!

Павла. Тётя Соня дома...

Муратов. Потом услышал тихий звон гитары... Чьи это стихи, твои, Миша?

Михаил. Мои... А – что?

Муратов. Плоховато. Впрочем, для домашнего употребления, вероятно, и это годится.

Павла. Позвать тётю?

Михаил (*усмехаясь*). Сиди, я позову...

Павла. Лучше я...

Муратов. Почему же – лучше?

Павла. Не знаю. Ну, пускай Миша...

(Михаил идёт, оставив гитару; Муратов взял её, наклонил голову к Павле.)

Муратов. Хорошо быть военным писарем, – это очень смелые люди они прекрасно ухаживают за барышнями и дамами. Как вы находите?

Павла. Я не знаю, не видала.

Муратов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.